

партию «неуспешных» учителей, которым свойственны высокие моральные качества и которые обладают настоящими глубокими знаниями.

Кроме того, для того, чтобы окончательно разгромить своих противников, он вырабатывает особую стратегию двойной инвективы. Перечисляя слова, которые в Античности были тесно связаны с жанром псогоса и воспринимались как оскорбления (*βάναντος, χοῖρος, κύων*), Цец заявляет, что в мире всех этих перечисленных персонажей действуют строгие законы логики и справедливости. Если ремесленник совершает оплошность и некачественно выполняет свою работу, его порицают и над ним насмеваются, но вот в мире словесных искусств все происходит ровно наоборот: на вершине успеха тот, кто невежествен, развратен и груб.

Таким образом, плохие поэты не просто сравниваются с целым рядом самых оскорбительных персонажей, но и оказываются значительно хуже их всех. Примечательно, что в данном произведении подавляющее большинство инвективных терминов все же относится к классическому языку, что заставляет задуматься о замысле автора, о той *οἰκονομία*, которой он руководствовался в данном случае. Вероятно, ритор стремился продемонстрировать разноеобразие своих талантов, поскольку на этот раз он расправляется со своими оппонентами, не покидая пределов высокой словесности.

Мастерски владея приемами античной инвективной традиции, Иоанн Цец далеко не всегда следует всем ее правилам, находя свои собственные, глубоко индивидуальные средства художественного выражения. Использование всех регистров языка, употребление просторечных слов, изобретение новых оскорбительных терминов, свободная игра с традицией – отличительные черты инвективы в творчестве Цеца, которые позволяют нам развить наши представления об эволюции византийской литературы в целом.

И. П. Медведев

Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург)

Об одном неизвестном эпизоде из истории византиноведческих связей Петербургской Академии наук и Афинского университета (середина XIX столетия)

В свое время нам уже приходилось касаться темы тесного научного взаимодействия русских и греческих, а именно – питерских и афинских ученых византинистов, особенно в конце XIX – начале XX вв., когда эти взаимоотношения достигли пика в своем развитии. Тем не менее, попытки установить научные связи между Петербургской Академией наук и Афинским университетом делались, как оказывается, и раньше (в частности, в середине XIX в.), об одной из которых нам и предстоит рассказать.

Речь идет о возникшей в это время научной переписке между двумя знаковыми в истории византиноведения личностями – одним из основателей петербургской школы византиноведения, немцем по происхождению, академиком Петербургской Академии наук Аристом Аристовичем Куником (1814–1899) и ректором Афинского университета, знаменитым греческим ученым Константином Папарригопулосом (род. в Константинополе в 1815 г., ум. в 1891 г.), прославившимся (правда, несколько позднее) своим капитальным многотомным трудом «История греческого народа», основой которого была впервые высказанная созидательная концепция «исторической непрерывности греческого этноса», начиная с Античности, включая период Византийской империи, и заканчивая новейшей историей Эллады.

Инициатором переписки стал академик А.А. Куник, который в письме от 19 января 1854 г. извещает, что он «издавна лелеял мечту о том, что наконец-то однажды прочные научные связи между Императорской Академией наук и Афинами выйдут на высокий уровень», и прежде всего в области византиноведения, так как он «с приходом в Академию буквально бьется об заклад, чтобы византийские исследования оказались в будущем у нас востребованными, причем всерьез и надолго». Что касается Константина Папарригопулоса, то он разразился большим и содержательным письмом о состоянии византиноведения в возродившейся Элладе. Ради публикации этого письма мы, собственно говоря, затронули данную тему. Считаем необходимым издать его как в греческом оригинале, так в нашем переводе на русский язык.

Е. И. Мирошниченко

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Социальные связи Синесия Киренского: трансформация института куриалов в конце IV – начале V вв. и епископская власть

В IV–V вв. традиционная курия претерпевает существенные изменения, связанные как с разрастающимся бюрократическим аппаратом местного самоуправления, так и с тягостными повинностями, которые на фоне ослабления центральной власти становились все более убыточными. В такой ситуации некоторые функции куриалов берут на себя местные христианские епископы. При этом сам механизм перераспределения власти вызывает много вопросов. Например, какую роль в этом процессе играли сами куриалы, а какую епископы? Как на это реагировала центральная власть? Участвовали ли в этом процессе горожане? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к фигуре ранневизантийского писателя и политического деятеля Синесия Киренского, который, будучи куриалом, был избран в качестве епископа города Птолемаиды.